

Гу Чанъань пришёл в себя, когда Лу Чэн уже отошёл довольно далеко. Он неторопливо поплёлся следом, затягиваясь сигаретой.

На перекрёстке стоял лоток чистильщика обуви. Старик, которого Гу Чанъань уже видел здесь в прошлый раз, приводил в порядок женские кожаные сапоги, а рядом дожидался очереди другой клиент — Чжан Пэн, двоюродный брат Чжан Луна.

Женщина расплатилась и ушла. Настала очередь Чжан Пэна. Он сел, поставил ногу на подставку — видно было, что он здесь завсегдатай.

Старик вложил в ботинок Чжан Пэна две полоски защитной бумаги, нанёс слой крема, затем тщательно и равномерно проработал его щёткой, а после принялся полировать тканью, дюйм за дюймом. Он работал очень старательно, а его руки двигались проворно.

Чжан Пэн не копался в телефоне и не отвлекался ни на что иное. Он просто впился взглядом в то, как старик чистит его ботинки. Губы его были плотно сжаты, челюсть напряжена, а выражение лица — крайне суровое, если не сказать стервозное. Казалось, стоит ему заметить хоть малейший изъян, он тут же сорвёт ботинок и швырнёт его старику в лицо.

Гу Чанъань окликнул ушедшего вперёд Лу Чэна.

Лу Чэн, сунув одну руку в карман, обернулся:

— Что такое?

Гу Чанъань жестом указал на лоток:

— Ты когда-нибудь чистил обувь на улице?

Лу Чэн покачал головой.

Гу Чанъань сказал:

— Я тоже нет. Пошли, посмотрим, как это делается.

Лу Чэну это было неинтересно.

Гу Чанъань заранее знал, что мужчина отреагирует именно так. Это было ожидаемо, и именно такого результата он и добивался. Он постучал пальцем по сигарете в углу рта:

— Ну тогда иди поищи себе развлечение, я схожу один.

Лу Чэн усмехнулся:

— Вдруг стало интересно.

Гу Чанъань:

— ...

План отвлечь его провалился. Гу Чанъань повёл Лу Чэна с собой, решив действовать по обстоятельствам.

Когда они подошли, старик прищурил мутные глаза, и на его морщинистом лице проступила добродушная улыбка:

— О, это тот самый молодой человек с берега реки.

— Да, это я, — с улыбкой подтвердил Гу Чанъань. — Дедушка, а почему вы здесь лоток поставили?

— На жизнь зарабатываю, — на его изборождённом невзгодами лице отразилась простота и даже некоторая гордость. — У меня мастерство хорошее, а цены низкие, вот они все ко мне и идут.

Гу Чанъань присел на корточки, наблюдая за процессом:

— Тысячу в месяц выходит заработать?

— Тысячу? — старик рассмеялся, словно услышал нелепую шутку, и покачал головой. — Триста-пятьсот — это уже хорошо.

Гу Чанъань поднял голову:

— Так мало?

Старик провёл тряпкой по краю ботинка Чжан Пэна:

— Сейчас многие сами покупают крем и дома мажут, сойдёт и так. Даже три юаня за чистку считают дороговизной, лишь единицы готовы платить.

Он весело добавил:

— Вот если бы все были как этот парень, Сяо Чжан, и приходили ко мне каждый день, я бы тогда точно разбогател.

Чжан Пэн ничего не ответил. Старик, казалось, привык к такому отношению и не обиделся.

Гу Чанъань уловил резкий запах обувного крема:

— Дедушка, я в интернете читал, что здесь произошло убийство, многие обсуждают. Погиб как раз тот человек, которого я встретил у реки.

Старик тяжело вздохнул:

— Да, это Чжан Лун. Погиб, бедняга, смертью лютой.

Гу Чанъань, наблюдая за тем, как меняется лицо Чжан Пэна, продолжил расспросы:

— Видел, как это случилось, выглядело очень жестоко. Убийцу поймали?

— Ох, сложно, — старик стряхнул пыль с брюк своими огрубевшими ладонями и снова вздохнул. — Говорят, это не человек сделал, да кто ж знает. В любом случае, у Небес всё записано, каждое деяние на счету.

Он указал пальцем на человека в кресле, и его лицо собралось в морщинки:

— Кстати, Сяо Чжан — двоюродный брат того самого Чжан Луна.

На этот раз Чжан Пэн отреагировал: он бросил на старика холодный взгляд, словно упрекая в излишней болтливости.

Гу Чанъань вовремя изобразил удивление:

— Вот оно что... А я всё гадал, почему вы так похожи.

Чжан Пэн внезапно одёрнул ногу, бросил пять юаней на маленький деревянный ящик рядом со стариком и, не оглядываясь, ушёл.

Старик собрал деньги и махнул рукой:

— У него характер такой странный, не берите в голову.

Гу Чанъань небрежно усмехнулся:

— Видно, что человек очень щепетильный.

— Даже слишком. Страдает какой-то манией чистоты, — старик облизал потрескавшиеся губы.

— Из-за этой болезни ему уже за тридцать, а он всё один, никто с ним ужиться не может.

Гу Чанъань протянул ему сигарету и прикурил:

— Как же так, ведь условия у него неплохие.

Старик затянулся пару раз и, расслабившись, ответил:

— Парень, ты просто не знаешь. У него это очень запущено. Постоянно носит с собой дезинфицирующие средства, брызгает ими всё вокруг. Родственников к себе не пускает, друзей нет, кроме работы — только дом. Если кто-то случайно заденет на улице, он места себе не находит. Кто такое вытерпит... Эх, ладно, не будем об этом, у каждого своя судьба.

Его мутный взгляд скользнул за спину Гу Чанъаня, и он добродушно улыбнулся:

— Это твой друг? Какой видный, сразу видно — из богатой семьи.

Гу Чанъань с любопытством спросил:

— Дедушка, как думаете, он красивый или я?

Старик посмотрел на Гу Чанъаня, потом на Лу Чэна, снова на Гу Чанъаня:

— Он красивый, а ты — миловидный.

Сзади раздался голос Лу Чэна:

— У вас отличный вкус, дедушка.

Лицо Гу Чанъаня дёрнулось.

Лу Чэн не стал спрашивать, откуда Гу Чанъань знает старика, а тот, разумеется, не стал сам рассказывать.

Гу Чанъань открыл новости о Чжан Луне:

— Ты не видел призрака этого человека?

Лу Чэн ответил:

— Даже если бы увидел, всё равно не узнал бы.

Нуждаясь в помощи, Гу Чанъань терпеливо спросил:

— А ты не замечал, чтобы какой-нибудь призрак был в обуви не по размеру?

Лу Чэн посмотрел на него и промолчал.

Гу Чанъань приподнял бровь: чего ты на меня смотришь? Было или нет?

Лу Чэн отвёл взгляд и сделал вид, что задумался:

— Одного без обуви я видел.

Гу Чанъань подавил волнение:

— Где?

— Дай подумать. — Лу Чэн поднял свободную руку и зажал переносицу большим и указательным пальцами. — В том переулке, где мы недавно были.

На виске Гу Чанъаня запульсировала вена:

— Почему ты тогда мне не сказал?

Лу Чэн невинно ответил:

— Ты спрашивал, нет ли кого во дворе, а про переулок не спрашивал.

Гу Чанъань понял, что его обвели вокруг пальца. Чёрт!

Помолчав немного, он небрежно поинтересовался:

— Мужчина или женщина?

Лу Чэн ответил:

— Не разглядел.

Гу Чанъань подозрительно оглядел мужчину:

— Даже пол не смог определить?

— Я лишь мельком взглянул, — сказал Лу Чэн. — Если кто-то притворяется призраком, то и призраки могут притворяться людьми. Слишком много теней мелькает перед глазами, от них голова болит.

Гу Чанъань замер. Неужели Чжан Лун убил человека, а потом призрак вселился в кого-то, чтобы совершить убийство? В конце концов, призраки не могут делать всё, что им вздумается, есть ограничения, иначе порядок давно бы рухнул.

Тогда как быть с его ложью? И какая связь между убийством и потерянной обувью...

Гу Чанъань угрюмо выдохнул. Мать его, однажды он уже попался на лжи, пришлось потратить

кучу сил, чтобы всё уладить, но кажется, в этот раз рекорд будет побит.

Солнце клонилось к закату, температура начала падать. Гу Чанъань и Лу Чэн обошли все улицы и переулки, но Лу Чэн, страдающий запущенной формой неспособности различать лица, заявил, что для него люди и призраки — почти одно и то же. Это означало, что помощи от него ждать не стоит, и о наградах или флажках можно забыть.

С тяжёлым сердцем Гу Чанъань повёл Лу Чэна на пешеходную улицу.

Обычно там полно туристов, но сегодня выходной, добавились офисные работники и студенты, так что было невероятно шумно.

Гу Чанъань привёл Лу Чэна на небольшой рынок товаров. Лу Чэн, едва зайдя, тут же вышел, поморщившись:

— Этот запах дешёвки сдавил мне виски.

Эта фраза звучала до того пафосно, что обычный человек постеснялся бы такое сказать. Гу Чанъань был впечатлён.

Затем они отправились в специализированный магазин. Лу Чэн купил себе чёрный кожаный кошелёк и спросил, не хочет ли Гу Чанъань такой же.

Гу Чанъань, скрестив руки на груди, усмехнулся:

— Мне такие дорогие вещи не по карману. На улице потеряю — страшно, дома оставлю — пылью покроется. Привык быть бедным.

Продавщица не удержалась и прыснула:

— Вы такой остроумный.

— Чистая правда, — Гу Чанъань улыбнулся, и его тонкие черты лица вмиг стали мягкими и тёплыми.

Продавщица смущённо покраснела.

Лу Чэн не стал медлить и выбрал для Гу Чанъаня кошелёк, такой же модели, но белый.

Гу Чанъань сказал:

— Маркий.

Лу Чэн с видом заботливого джентльмена предложил:

— Тогда забирай чёрный.

Гу Чанъань искоса взглянул на мужчину и подумал: если бы он был женщиной, то, возможно, сейчас бы и влюбился.

Продавщица переводила взгляд с одного красавца на другого. Она упаковала кошельки и протянула пакет:

— У вас отличный вкус, обе расцветки — классика.

Болтливая продавщица добавила:

— Чёрный и белый, очень сочетаются.

Гу Чанъань стоял рядом с Лу Чэном, и его кожа казалась ещё бледнее, приобретая болезненную красоту.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, он обернулся. Продавщица, краснея, помахала ему на прощание, приглашая заходить ещё, но в глазах читалось: Вы двое так подходите друг другу, я буду за вас болеть, поскорее заведите детей.

— ...

Выйдя из магазина, Гу Чанъань случайно заметил в толпе две знакомые фигуры — Лю Цуйфан и Цянь Фэй.

Оказывается, Лю Цуйфан была дома не одна, а гуляла с Цянь Фэем. Судя по всему, прошлую ночь они провели отлично — смеялись, болтали, а влияние смерти Чжан Луна за день сошло на нет.

Гу Чанъань прищурился, о чём-то задумавшись.

Лу Чэн спросил молодого человека, застывшего на месте:

— На что смотришь?

— На представление, — многозначительно ответил Гу Чанъань. — Жизнь — это театр, а люди в ней актёры.

Лу Чэн, сделав вид, что не расслышал, пошёл дальше.

Когда позвонила Личунь, Гу Чанъань стоял у лотка, собираясь купить тофу-пудинг. Он попросил порцию без сахара и без острого. Продавец посмотрел на него с недоумением.

Гу Чанъань отошёл в сторону и ответил на звонок:

— Что?

Личунь сказала, что она в городе, и спросила, где он, чтобы поужинать вместе.

Гу Чанъань ответил:

— Тут нет ничего вкусного.

— Пошли на шведский стол, — заманивала Личунь. — Я видела в интернете новое место, отзывы отличные, много морепродуктов. Твои любимые креветки там точно есть.

Гу Чанъань тут же загорелся. Он бросил взгляд на свой тофу-пудинг — есть его было всё равно что не есть — и назвал место:

— Я здесь, приезжай.

Личунь примчалась очень быстро, запыхавшаяся и в поту — кто не знал, подумал бы, что она бежала всю дорогу. Она помахала Лу Чэну:

— Привет!

Лу Чэн, который только что совершил ошибку, попробовав тофу-пудинг, отчего его желудок скрутило, посмотрел на неё с выражением лица «ты кто?».

— Это Личунь, ты же мог запомнить её черты... — Гу Чанъань замолчал. Он дёрнул щекой: Личунь завязала чёлку в пучок, её внешность изменилась.

Личунь, смекнув, что к чему, воскликнула:

— Ого, Лу Чэн, так у тебя слепота на лица?

Лу Чэн:

— Да.

Личунь с любопытством спросила:

— И как ты видишь людей?

Лу Чэн ответил:

— Как куски мяса на шее.

— ... — Какое отвратительное сравнение.

Личунь с хитрой улыбкой приблизилась:

— Я поняла, значит, чтобы запомнить человека, нужно запомнить его отличительные черты. Тогда смотри на мои глаза, они у меня очень красивые.

Гу Чанъань скосил глаза:

— Разве не другие должны это говорить? Тебе самой не стыдно?

— А чего стыдиться? Я говорю правду, — самовлюблённо заявила Личунь. — Из всего, что у меня есть, глаза самые красивые, и форма такая круглая...

Гу Чанъань и Лу Чэн, не сговариваясь, зашагали прочь.

Личунь, перебирая короткими ножками, догнала их:

— Эй, не идите так быстро, подождите меня!

Вскоре все трое вошли в новый ресторан. Условия и цены были приемлемыми, а свежесть продуктов предстояло оценить.

Гу Чанъань и Личунь, сторонники быстрого стиля, набрали полные тарелки морепродуктов и сели за стол.

Личунь поставила ногу на стул.

Гу Чанъань брезгливо заметил:

— Ты девушка, можешь хоть немного следить за имиджем в общественных местах?

Личунь опустила ногу.

Гу Чанъань надел перчатку, чтобы чистить креветки:

— С каждым днём всё хуже.

Личунь пробормотала:

— Зануда.

Когда перед Гу Чанъанем выросла гора панцирей, Лу Чэн всё ещё выбирал еду — похоже, это надолго.

— Проблемы с выбором, абсолютные проблемы с выбором, причём в запущенной стадии! — Личунь выплюнула клешню краба и начала быстро стучать пальцами по столу. — Чанъань, иди помоги ему.

Гу Чанъань наотрез отказался:

— Не пойду.

— Ну сходи, — выпалила Личунь. — Ты сходишь, а я смогу сфотографировать.

Гу Чанъань прищурился:

— Что сфотографировать?

Личунь замялась:

— Ну, просто вокруг. Мне кажется, интерьер здесь такой уютный, посмотри на эти лампы, обои, столы, как всё...

Гу Чанъань вытер рот салфеткой, откинулся на спинку стула и с насмешкой посмотрел на неё:

— Ври дальше.

Личунь почувствовала, как затылок напрягся, и почесала голову:

— Ладно, ладно, скажу!

Гу Чанъань приготовился слушать.

Личунь скривила губы:

— Ты же знаешь, где я живу, там даже друзей нет, мне очень скучно.

Гу Чанъань приподнял подбородок:

— К делу.

— Дело в том, что когда я искала новеллы, случайно наткнулась на жанр BL, открыла для себя новый мир, а потом случайно добавилась в группу к автору, там одни девчонки-фудзёси. Я им

сказала, что знаю двух красавцев, невероятно красивых, даже лучше, чем герои новелл, и они как раз подходят под тип «актив-пассив». Они не поверили, попросили фото, ну я и сгоряча согласилась.

Она подалась вперёд:

— Я вот о чём подумала, Чанъань: ты такой нежный, на вид тебе дашь двадцать лет. Если я выложу твоё фото в сеть, может, какая-нибудь кинокомпания заметит тебя и подпишет контракт. Тогда ты станешь звездой, и я с Да Бин тоже погреемся в лучах славы.

Гу Чанъань вычленил из потока слов Личунь «актив-пассив». Хотя он не читал таких новелл, по буквальному смыслу догадался, что к чему.

Он спросил:

— Кто актив, а кто пассив?

Личунь набрала воздуха и серьёзно ответила:

— Актив, конечно, ты! Ты, ты, это точно ты!

Гу Чанъань протяжно ответил:

— Вот как.

Личунь облегчённо выдохнула. О боже, скажи она что-то не то, Чанъань бы её точно прибил. Она взяла другую клешню краба, но не успела поднести ко рту, как над головой раздался магнетический голос:

— Значит, я пассив?

Личунь застыла, а потом рассмеялась:

— Да на самом деле неважно, кто есть кто. Вы же всё равно не геи, а даже если бы были, то не пара друг другу.

Эта фраза успешно закрыла тему.

В итоге Личунь всё же сделала нужный кадр: из-за ракурса казалось, будто Лу Чэн целует Гу Чанъаня в волосы.

Личунь посмотрела на фото, и её веко дёрнулось. Боже, почему они так хорошо смотрятся вместе? Почему от фото исходит такая гейская аура?

Неужели это и есть «взгляд фудзёси»? Не должно быть, она же новичок, стаж не тот, чтобы видеть такое. Личунь сглотнула, спрятала телефон в карман и осторожно спросила:

— Чанъань, ты ведь правда не... ну, не гей?

— Чушь не неси.

Личунь похлопала себя по груди. Она любит BL-новеллы и мангу, но в реальности всё упирается в лицо и фигуру. Однако если Чанъань вдруг станет геєм, она же будет разбита.

Когда Гу Чанъань покупал компьютер, Личунь выпросила себе ноутбук и светилась от счастья. Всю еду и напитки потом оплачивал Лу Чэн. Гу Чанъань смотрел на его макушку, чувствуя, что над ней вот-вот появится нимб — забота о ближнем как жизненное кредо.

Вечером Гу Чанъань опробовал новый компьютер — брендовая вещь, дорогая, работает плавно, экран большой, смотреть приятно.

Поэтому, когда он мыл яблоки, решил помыть одно лишнее и отнёс в соседнюю комнату.

Лу Чэн складывал одежду. Гу Чанъань посмотрел на аккуратные квадратики вещей на кровати: у этого человека не только проблемы с выбором и зрением, но и обсессивно-компульсивное расстройство.

Болезней у него немало.

Лу Чэн поднял взгляд:

— Компьютер удобный?

Гу Чанъань кивнул. Удобный. И не потратил ни копейки. Он неловко потрогал затылок.

Лу Чэн заметил это и с усмешкой спросил:

— Чанъань, ты впервые принимаешь подарки?

Это был первый раз, когда он принял что-то дорогое. Гу Чанъань бросил ему яблоко. Лу Чэн поймал его, потёр большим пальцем и откусил:

— Всего лишь компьютер.

Гу Чанъань сказал:

— Десять тысяч стоит.

Лу Чэн изобразил позу «и что с того».

Гу Чанъань закатил глаза.

Лу Чэн внезапно спросил:

— Чанъань, хочешь сегодня поспать со мной?

Нервы Гу Чанъаня напряглись, он критически осмотрел мужчину:

— Поспать с тобой?

Лу Чэн улыбнулся:

— Расслабься, я просто подумал, что нам стоит поболтать, ты мне очень интересен.

Гу Чанъань усмехнулся:

— А ты мне — нет.

Тонкие губы Лу Чэна изогнулись в короткой улыбке: маленький лжец.

Вернувшись в комнату, Гу Чанъань зашёл в Weibo полистать новости. Каждый день тысячи пользователей интернета, которым нечем заняться, пытаются привлечь к себе внимание.

Дело Чжан Луна нашлось сразу, популярность не спадала. Гу Чанъань бегло просмотрел комментарии. Как говорится, одна голова хорошо, а две — лучше, сила масс недооценена, вдруг среди них есть эксперт, который поможет распутать этот клубок.

Гу Чанъань листал ленту до десяти вечера, а потом лёг спать.

Первую половину ночи он проспал, сходил в туалет и, вернувшись, зарылся в одеяло.

Во второй половине ночи ему приснились четыре сна, один в другом. Ему казалось, что он проснулся, но на самом деле он всё ещё спал, и так повторялось четыре раза.

Проснувшись в последний раз, Гу Чанъань был весь в поту и чувствовал полное истощение. Он принял горячий душ и лёг обратно, и усталость снова быстро утянула его в сон.